

УДК 94(478)"1914/1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/14

ИТОГИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СУДЬБЕ БОЛГАР БЕССАРАБИИ

Н.Д. Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака
Молдова, 7400, г. Тараклия, ул. Мира, 9
E-mail: nrussev@mail.ru

Авторское резюме

Окончание Первой мировой войны и революционный взрыв в России обернулись в 1918 г. для Бессарабии присоединением к Румынии, по поводу которого в исторической науке давно ведутся острые дебаты. Бессарабские болгары, подобно представителям других этнических меньшинств края, пережили это событие как коллективную трагедию своей общности. Анализ источников, полученных, в частности, в результате санкционированных государством специальных миссий, показывает всю сложность процессов, определявших будущее региона послевоенного времени. В этнически пестрой Бессарабии антирумынское (в основном крестьянское) движение чаще всего приобретало национальную окраску и было обречено на провал.

Ключевые слова: бессарабские болгары, окончание Первой мировой войны, революция в России, Сфатул Цэрий, оккупация Бессарабии, присоединение к Румынии.

RESULTS OF THE FIRST WORLD WAR IN THE DESTINY OF THE BESSARABIAN BULGARIANS

N.D. Russev

Grigorii Tsamblak State University of Taraclia
9 Peace Street, Taraclia, 7400, Moldova
E-mail: nrussev@mail.ru

Abstract

The end of the First World War and the revolutionary explosion in Russia lead to Bessarabia's annexation by Romania in 1918, which has long been debated in

history. Bessarabian Bulgarians, like members of other ethnic minorities in the region, experienced this event as a collective tragedy of their community. The analysis of the sources obtained, in particular, as a result of special missions authorized by the state has shown the complex nature of the processes determining the post-war future of the region. In the ethnically diverse Bessarabia, the anti-Romanian movement, mostly of peasantry, often acquired a national tint and was doomed to failure.

Keywords: Bessarabian Bulgarians, end of WWI, Russian revolution, Sfatul Tarii, occupation of Bessarabia, annexation to Romania.

*Это над взбитой битвами пылью,
над всеми, кто грызся, в любви зверясь,
днесь
небывалой сбывается былью
социалистов великая ересь!*

Владимир Маяковский,
17 апреля 1917 г., Петроград

Переход Бессарабии под власть Румынского королевства произошел столетие тому назад в сложной, быстро менявшейся социально-политической обстановке, вызванной революцией и крахом Российской империи. Повсюду на осколках трехвековой державы Романовых возникали самостоятельные образования, возглавлявшиеся местными группировками разной идейной направленности, часто вовсе не чуравшимися военной поддержки преследовавших свою корысть иноземцев.

События 1917 г. в Российской империи ввергли в хаос даже самые отдаленные уголки огромной страны, очень быстро докатившись и до болгарских сел многонациональной Бессарабии. Слово «революция», которое тогда было у всех на устах, в патриархальный быт болгар несли возвращавшиеся с фронта солдаты, по свидетельству документов, почти поголовно зараженные «духом недоверия, сомнения, отрицания». Из их среды выдвигались организаторы беспорядков, воспринимавшие свои действия не иначе как «революционные». Самозванные вожди в каждом селе громче всех кричали о «свободе» и на свой лад стремились претворять в жизнь чаяния простых людей.

Главной причиной массового негодования людей явился пресловутый земельный вопрос. В условиях войны количество безземельных и малоземельных хозяйств, с одной стороны, особенно выросло, а с другой – меньшинство завладело огромными имениями. Там, где не было помещиков, охваченные духом революционной свободы

крестьяне делили церковные и общественные земли (Думиника, Червенков 2014: 147–148). В воздухе, еще не остывшем от пыла сражений Великой мировой войны, стоял немилосердный азарт всех оттенков социализма...

Созванный в Кишиневе 2 декабря 1917 г. парламентский орган, именовавшийся Сфатул Цэрий (Совет страны), именем революции провозгласил создание Молдавской Демократической Республики. Как стало ясно совсем скоро, не заботясь о широкой поддержке народа, вожди предпочли тайные переговоры с правительством Румынии, получив за свою предательскую сговорчивость крупные денежные суммы. Неслучайно уже 28 декабря глава правительства И. Ерхан сделал заявление о целесообразности введения в Бессарабию румынских войск «для борьбы с анархией, охраны продовольственных складов, железных дорог и заключения иностранного займа». В начале 1918 г. воинские части соседнего государства перешли на левый берег реки Прут и 13 января вступили в Кишинев. В городе начались репрессии, и по обвинению в антирумынизме были расстреляны пять членов Сфатул Цэрий (ИРМ 1997: 173–175).

Между тем 10 января в Аккермане прошел III Съезд представителей крестьянства, городских и земельных управ Буджака, которые выступили против действий Сфатул Цэрий и постановили, что южный край остается «на вечные времена» в составе России, какой бы в ней ни был строй. Практически одновременно румынские войска развернули наступление на Аккерман, Измаил и Болград, на подступах к которому завязались тяжелые бои. С 12 по 22 января упорно сопротивлялся Измаил. До 4 февраля оборонялось Вилково. Сопrotивление румынским отрядам оказали Тараклия и окрестные села (Думиника, Червенков 2014: 148). Население юга в целом враждебно отнеслось к вторжению из-за Прута. Зазвучали призывы к созданию Буджакской автономной республики в составе России. Созданная для борьбы с войсками Румынии революционная армия, в которую наряду с солдатами вошли рабочие Одессы, Тирасполя, Бендер, Рыбницы, нанесла им поражение в боях у Днестра. В результате последовавших переговоров 5 марта было заключено соглашение, по которому Румыния обязалась в течение двух месяцев вывести войска из Бессарабии (Лебеденко, Тичина 2002: 123–124). Однако, когда ситуация переменилась, правители соседней страны не выполнили взятые на себя обязательства и продолжили вооруженное подчинение восточных земель.

Еще 24 января Сфатул Цэрий принял декларацию о независимости Молдавской Республики. Однако теперь марионеточный «Совет страны» пошел на имитацию законного волеизъявления о добровольном присоединении к Румынскому королевству. Под дулами румынских

винтовок прошло антидемократическое голосование по этому вопросу. Впрочем, даже в условиях жесткого давления извне сторонники объединения собрали только 86 голосов; 3 депутата высказались против, 36 воздержались, а 13 вообще отсутствовали на заседании. В такой обстановке 27 марта 1918 г. появилась Декларация об объединении Бессарабии с Румынией. Как признал румынский премьер, «присоединение было осуществлено не в Кишиневе, а в Бухаресте». Молдавская Республика просуществовала только 2 месяца (Скворцова 2002: 28).

Посетивший со специальным заданием приграничные города Рени, Болград, Измаил (май – июнь 1918 г.) болгарский подполковник Константин Соларов (1881–1959) изложил свое понимание характера политических перемен в Бессарабии. На страницах выпущенной им брошюры офицер сообщал, что Сфатул Цэрий возглавили «люди темного происхождения», одержимые «большой алчностью к обогащению», которые силой взяли власть и создали милицию, чтобы «защищала их от народа». Затем именно «эти грабители» предложили правительству Румынии премьера А. Маргиломана (1854–1925) провозгласить присоединение Бессарабии в обмен на «крупную сумму». С радостью заключив выгодную сделку, румыны при поддержке местной милиции довольно быстро оккупировали бывшую царскую губернию (Думиника 2016: 261–262).

В конце лета 1918 г. приехавший из Одессы в Софию болгарский консул Д. Влахов (1878–1953) писал, что действия румынских войск на железнодорожной ветке Унгены – Кишинев – Бендеры, предательство и обман части руководителей Сфатул Цэрий, а также жестокие расправы с депутатами, придерживавшимися антирумынской позиции, достигли в Бессарабии цели. Еще 8 апреля 1918 г., вернувшись из Ясс, П. Халиппа заявил: «Бессарабия будет румынской – этого хотят и немцы». Похоже, возникло опасение, что Болгария и Украина могут установить общую границу на Дунае. Чтобы предотвратить возможное блокирование, следовало из дипломатического донесения, были приняты столь масштабные действия. Оказалось, что «сильная Румыния нужна Германии как противовес Болгарии» (Калчев 2014: 216–217).

Эти и другие подобные источники столетней давности не содержат выводов о том, что действия Сфатул Цэрий встретили «единогласное одобрение населения Бессарабии», а объединение «соответствует всем общепринятым критериям национального объединения». Хотя свидетельства очевидцев несут на себе отпечаток большого эмоционального запала и явные черты личной пристрастности, они, несомненно, ближе к истине, чем наукообразные построения многих авторов нынешней эпохи (Назария 2014: 106–107).

Широко известно, что на юге Бессарабии с конца XVIII – начала XIX в. компактно осело довольно большое число задунайских переселенцев – преимущественно болгар и гагаузов (Грек, Червенков 1993: 11–15). Их количество в 1918 г. Д. Влахов определяет примерно в 250 тыс. чел., или 8,2 % жителей Измаильского, Аккерманского и Бендерского уездов (Калчев 2014: 214–215). Эти люди являлись значительным фактором для перспектив региона послевоенного времени. Понятно, почему представителей Болгарии интересовало как самочувствие, так и поведение бессарабских болгар в условиях формирования новой геополитической обстановки.

К. Соларов пишет, что в Измаиле местное население «держится очень неприязненно по отношению к румынам». В придунайском городе, по его словам, как и в других местах края, чаще румынского слышались русский и болгарский языки, а население нередко бросало открытый вызов захватчикам. Порой русские и болгары даже публично называли румын цыганами. Один измаильский торговец-болгарин Червеняков по поводу оккупации Бессарабии возмущенно произнес: «Они сделали то же, что с Добруджей, но не пройдет много времени, и их прогонят». В Измаиле автор слышал от одного осведомленного русского человека любопытную версию поглощения Молдавской Республики Румынией. Она строилась на утверждении, что «Украина исключила из своих границ Бессарабию, потому что в последней нет украинцев» (Думиника 2016: 259–264). Соответственно, Румыния этим якобы и воспользовалась.

Массовый политический сумбур и абсурд нагнетали атмосферу в крае до предела. Имели место рассуждения о том, что «будет хорошо, если болгары из Бессарабии выселятся и поселятся в Добрудже», а немецкое меньшинство займет земли на юге края (Калчев 2014: 220). Учитель из Болграда, напротив, сообщил К. Соларову, что с началом революции в России местные болгары «основали комитет, который поставил перед собой задачу создать из Бессарабии единую самостоятельную республику», будто бы видевший конечной целью «присоединение к матери-Болгарии» (Думиника 2016: 254–257).

Цитируемые болгарские авторы вполне осознавали несбыточность рисуемых картин. Д. Влахов указывает, что население насильственно присоединенной Бессарабии «предпочитает любой другой режим румынскому», который через бесправие и притеснение нас денационализацию нацменьшинствам. При этом он констатирует: «Болгары в Бессарабии ничего не предприняли, да и не в состоянии предпринять ради своего освобождения» (Калчев 2014: 219–220). К. Соларов называет бессарабских соотечественников «наивные

люди», а исповедуемые ими взгляды характеризует как «чистый и наивный идеализм» (Думиника 2016: 259–260).

В самом деле, к концу мая деятельность Сфатул Цэрий была приостановлена, а управление Бессарабией передано генералу А. Вэйтояну. Одна из задач военного губернатора новой провинции состояла в том, чтобы ликвидировать автономию края, закрепленную юридически всего несколькими месяцами ранее. Чтобы заручиться международным признанием своих новых границ на конференции по итогам Первой мировой войны в Париже, Бухарест спешил предъявить Антанте свои права на безоговорочное господство в Бессарабии, причем полученные не иначе как с согласия законной власти (Бессарабия 1996: 233–234).

Рано утром 27 ноября 1918 г., в отсутствие должного числа депутатов, Сфатул Цэрий принял ранее сфабрикованное решение о «безусловном объединении» Бессарабии и Румынии. По этому поводу А. Маргиломан записал в своем дневнике: «Несмотря на все истраченные деньги, не набралось 30 депутатов, чтобы за это проголосовать». Все условия, гарантировавшие автономию, были перечеркнуты (БТМ 1967: 217–219; Левит 2000: 445). Стоговавшиеся кое-как братья-политиканы с обоих берегов Прута, по сути дела, довели первый в истории молдавский парламент до акта позорного самоубийства.

Правда, довольно многочисленная группа депутатов выступила против предательского сговора. Как истинные патриоты страны они смело заявили, что считают принятые постановления «ввиду допущенных явных нарушений, граничащих с обманом, недействительными, незаконными и со всей энергией протестуют против отказа от автономии, акта насилия над волею народов, населяющих Бессарабию» (БТМ 1967: 217–219). Однако эти действия явно запоздали – с того времени более двух десятилетий (вплоть до лета 1940 г.) этнически разнородным бессарабцам предстояло жить на своей земле в тисках объятий «Великой Румынии».

Парижский протокол, подписанный 28 октября 1920 г. Англией, Францией, Италией, Японией и Румынией, определил юридически судьбу края «в интересах всеобщего мира в Европе». Ведущие державы мира согласились обеспечить «над Бессарабией суверенитет» Румынии, которая «добровольно выразила желание дать прочные гарантии свободы и справедливости, без различия расы, религии и языка». Этот протокол довольно долго не мог вступить в силу, поскольку не был ратифицирован до 1927 г. Италией и до 1931 г. – Японией. С самого начала его не признавали Россия и Украина (Бессарабский протокол 1920).

В силу произошедшего бессарабские болгары были лишены поддержки исторической родины. Болгария была в какой-то мере даже враждебной страной, поскольку воевала на стороне Тройственного союза, а бессарабцы, напротив, служили входившей в Антанту царской России. После окончания войны судьбы побежденных стран целиком зависели от государств-триумфаторов. Поэтому на переговорах о будущем Бессарабии Болгария не предпринимала никаких дипломатических действий, чтобы как-то защитить бессарабских болгар. Более того, «все в Софии» надеялись, что в обмен на Бессарабию «Болгарии будет возвращена вся Добруджа» (Пенчиков 1992: 136 и др.). Однако эти циничные комбинации политиканствующих интеллектуалов были актуальны только в кругу завсегдатаев столичных кафе и клубов.

Между тем в Софии возникло Общество бессарабских болгар, объединявшее образованных, деятельных, заслуженных, но оторванных от реальности людей. Они подготовили обращение к представителю мирной конференции в Париже. В нем 1 апреля 1919 г. 128 чел. выразили мнение, что «болгарская Бессарабия» должна стать «составной частью Болгарии», от которой ее отделяет только устье Дуная. Имелось в виду соседство с Добруджей, которая в новое время никогда не была болгарской государственной территорией. Авторы декларации сами не верили в возможность такого объединения, поэтому предлагали и второй вариант устройства Буджака: «На территории, расположенной к югу от Троянова вала, создать отдельное политическое образование, малое независимое государство между реками Прут, Дунай, Днестр и Черным морем, охватывающее 23 000 кв. км». Если же передача Бессарабии другой стране неминуема, выдвигались следующие условия:

- 1) это «ни в коем случае не должна быть Румыния»;
- 2) необходимо гарантировать демократические свободы болгарскому меньшинству (Тодоров 1992: 153–155).

Нетрудно представить, что усилия от такого заступничества не могли отклониться далеко от нулевой отметки.

Тем временем Румыния перешла в Бессарабии к активным действиям. В августе 1919 г. в край приехали 97 пропагандистов – агентов сигуранцы. Причем в каждый уезд прибыло по три таких сотрудника, а в Хотинский, Измаильский, Аккерманский уезды, где большинство составляло немолдавское население, – по 12 (Зеленчук 1973: 32). Так, под особый контроль властей, наряду с лояльностью других этнических меньшинств, попала благонадежность болгар.

Сельские жители, как правило, были далеки от политики, но большинство из них с недоверием восприняло румынскую власть. Новые хозяева были чужды укладу жизни болгар, устоявшемуся у них за

время продолжительного проживания в Российской империи. Впрочем, прежние устои уже успели в значительной мере пошатнуться в ходе мировой войны и русских революций. Власти Румынии столкнулись с сопротивлением на местном уровне. В ряде мест коммунальные советы призывали сельчан не вносить арендную плату за землю, полученную до прихода румын. Например, в Шикирли-Китае сельская администрация весной 1919 г. не желала налаживать «хорошую работу» и действовала с «явным злонамерением» (Лунгу 1979: 56).

Однако те, кому вернули захваченные у них земли или потерянные должности, становились союзниками румын. Вероятно, в числе наиболее авторитетных приверженцев новой власти оказался и священник В.Д. Агура. Ему возвратили приход, в котором он служил до своей кончины в 1924 г. Будучи образованным и состоятельным, он свободно владел румынским языком и обладал большим влиянием на односельчан, а также жителей ряда соседних сел. Наверняка его поддерживали и другие зажиточные односельчане, особенно ровесники – «чурбаджи» близких взглядов, которые до глубокой старости не выпускали из-под контроля хозяйственную деятельность ближайших родственников. Такие люди составляли опору государственной власти в селах.

Несогласные с новыми порядками искали другие пути. По сравнению с концом XIX в. число сельчан, в т. ч. числе болгар, порвавших с традиционным бытом, несомненно, зримо возросло. Часть навсегда или на время уходила в города, в т. ч. в пределах Старого Королевства – от Галаца до Брашова, от Ясс до Бухареста. Были люди, перебравшиеся через границу в другие страны, включая Советскую Россию и Болгарию. Однако цифры свидетельствуют о мизерном количестве беженцев из Бессарабии, оказавшихся в Болгарии: 1914–1917 гг. – 2 чел.; 1918–1919 гг. – 4; 1920 г. – 16 чел. (Тодоров 1992: 158). Обычно это были молодые и одинокие люди.

До прихода румын резкая перемена прежде патриархальных настроений болгар особенно чувствовалась среди фронтовиков. Общество раскололось на сторонников «доброго старого» и многообещающего нового. Людей, жаждавших перемен, было много и в Шикирли-Китае, но их ожидания никак не соответствовали результатам действий представителей королевства в Бессарабии. Казалось, растревоженные военно-революционным лихолетьем, как пчелиные ульи, степные села мало-помалу утихомириваются.

Замирение в Буджаке было тяжелым по ряду причин. Среди них важнейшими являлись языковые различия и более высокий уровень хозяйственно-бытовой свободы жителей края. Стремление новых хозяев изменить положение на свой лад наталкивалось на коллектив-

ное сопротивление. Попытки устранить острые противоречия грубой силой делали их неразрешимыми, выдвигая из числа бессарабцев тех, кто включался в борьбу с господствующим режимом. О таких непримиримых революционерах, среди которых были и болгары, в Советском Союзе было написано немало книг. Они вели подпольную работу против Румынского королевства, временами принимавшую открытые острые формы. Международная общественность признала, что многочисленные антигосударственные действия жителей Бессарабии выражали неприятие ими румынской власти.

Причину этого неприятия приоткрыл в своей речи на организованном против подпольщиков в 1920 г. «Процессе 39» адвокат Н. Коча: «Что сделали мы в течение двух лет румынского управления, чтобы привлечь к себе симпатии бессарабцев? Они имели свободную страну, Русская революция дала им все права и свободы. Что им дали взамен? Жандармов? Агентов сигуранцы? Грабителей перчепторов? Всех бандитов из старой Румынии! И хотите теперь быть любимыми? Вы хотите, чтобы бессарабец любил кулак жандармов!» (БТБ 1970: 165). Как следует из французских источников, в то время болгары и гагаузы были «непримиримо враждебны присоединению, как и прежде». В частности, немало инцидентов произошло именно в 1920 г. в районе Болграда при призыве румынами новобранцев (Винсент 2012: 53).

Вместе с тем в своих действиях по укреплению государства на новых землях власти Румынии не решались прямо игнорировать права национальных меньшинств. Причина была в том, что за время Первой мировой войны этнический облик страны приобрел совершенно иной характер. Если в 1914 г. территория королевства составляла около 138 тыс. км², то после 1918 г. она увеличилась более чем в два раза и превысила 295 тыс. км². Население также выросло вдвое – с 7,35 млн до 15,63 млн чел. При этом до Первой мировой войны этнические меньшинства составляли только 8 % жителей, а после нее – уже почти 1/3 (Скворцова 2002: 80).

Поскольку внимание всей Европы было обращено к Румынии, которая всячески добивалась официального признания в своих расширенных границах, с этим обстоятельством нельзя было не считаться и в Бессарабии. В частности, известно, что в 1919/1920 учебном году в 65 из 1 787 государственных начальных школ преподавание должно было вестись на болгарском языке. Болградское реальное училище стало смешанным болгарско-румынским лицеем (Скворцова 2002: 99).

В августе 1921 г. в Болграде прошел конгресс, собравший около 80 делегатов болгарских сел Южной Бессарабии. Его участники заявили о необходимости создания школ с болгарским языком обучения от начальных училищ до гимназий. Был поставлен вопрос о пополнении

учительских кадров за счет специалистов из Болгарии. Для защиты интересов болгар, живших в регионе, конгресс избрал комитет, в который вошли представители четырех южных уездов (Нягулов 1998: 193). Многие участники этого съезда проживали в Болграде. Среди них выделяется группа преподавателей и сотрудников знаменитой гимназии. Шикирли-Китай представлял секретарь сельской коммуны Агура (Нягулов 1998: 192), очевидно, сын известного священника.

Как поиск общего языка с местным населением можно расценивать строительство памятника трем жандармам, похороненным в Шикирли-Китае. Их имена со званиями засвидетельствованы документально: *platonieri Chirica Enache, Neculai Grigore, cap[ral] Preda Alecu*. Все «погибли при исполнении долга» в 1919 г. (*trei morți în 1919 făcându – și datoria*). Дата события не вполне ясна. Тут же указан и 1918 г. Однако известно, что поблизости от населенного пункта боевые действия не велись (Руссев 2016: 217–231). Можно лишь допустить, что военнослужащие погибли в результате несчастного случая.

Сбор средств на памятник, который до сих пор возвышается в центре старой части кладбища, был превращен в значимое общественное дело. Работы в 1922 г. велись по инициативе и при непосредственном участии Общества захоронении героев, погибших на войне (*Societatea mormintele eroilor cași în război*). Центральное управление организации во главе с руководителем в чине полковника находилось в Бухаресте. В Шикирли-Китае был создан и действовал местный комитет, председателем которого был священник В.Д. Агура. В имеющихся источниках упоминаются сумма в 600 леев (часть собранных средств?), а также информация о покупке крестов для украшения мемориального сооружения. Свой вклад в сооружение памятника внесли не только шикирлийцы, но и жители многих сел края – от Табак до Старых Троян. Правда, в некоторых населенных пунктах было собрано совсем мало денег, иногда – ни одного лея (например, в Муравлевке, населенной русскими старообрядцами). Чаще всего рядовые сельчане сдавали по 1 лею, а румынские служащие – до 10 леев. Самый крупный взнос в 25 леев сделал фабрикант Самоил (*Samoil Fissman fabric*). В списке жертвователей отмечен и примар села Зиновей Ташаков (*Zinovei Tazacov*) (КПИА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–22 и др.).

Памятник на кладбище был в румынское время местом проведения поминальных мероприятий и церковных служб, посвященных памяти не вернувшихся с фронта солдат и офицеров. Поскольку среди шикирлийцев таких насчитывалось много, то введенный властями ежегодный День героев (*Ziua eroilor*), отмечавшийся 10 мая, собирал сотни жителей села – прежде всего, родственников и друзей погибших,

фронтовиков, а также представителей румынской администрации, жандармов, учителей и служителей культа. Так создавалось подобие примирения и даже духовного единения. Между тем тяжелые будни большинства шикирлийцев, как и основной массы крестьян юга Бессарабии, уже угрожали иным поворотом событий. Чаша народного терпения переполнилась – в 1924 г. Буджак охватило Татарбунарское восстание, затронувшее многие болгарские села.

Всякий бунт вызывается не одной, а рядом причин. Складываясь вместе, они могут привести к взрыву негодования. Одной из причин волнений в Бессарабии было то, что Румыния никак не могла освоить новые территории, делавшие ее «Великой». Их население, особенно этнические меньшинства, оставалось для бухарестских политиков чужим, а значит, враждебным элементом. В особенности это касалось бессарабцев, получивших в границах царской России не только возможность относительно благополучной жизни, но и своеобразную прививку имперской державности.

Это видели и отчасти понимали даже отдельные румынские деятели. Так, проводник румынизма в Бессарабии О. Гибу побывал здесь в 1923 г. и отметил следующие настроения ее жителей: «Все сожалеют о совершенном объединении с Румынией... и говорят, что, если бы была возможность повернуть время вспять, они бы не сомневались ни секунды и зачеркнули бы все совершенное» (Скворцова 2002: 43–44). Неслучайно хорошо знавшему край уроженцу села Бабель (ныне Озерное Измаильского района) генералу А. Авереску (1859–1938), который трижды (в 1918–1927 гг.) был премьер-министром, приписывают заявление, что румынам нужна Бессарабия без бессарабцев...

* * *

Знаменитый американский журналист Джон Рид (1887–1920) отмечал, что вскоре после Октябрьского переворота в Петрограде В.И. Ленин, отвечая на обвинения в адрес большевиков, сказал по поводу эсеров: «Они нас обвиняют в том, что мы украли у них аграрную программу... Ну что ж, если это так, то мы можем их поблагодарить. С нас и этого довольно...» (Рид). «Декрет о земле», всколыхнувший вековые сны миллионов мужицких голов в Российской империи, поставил на повестку дня идеалы крестьянского социализма. В Бессарабии, почти такой же этнически пестрой, как и вся рухнувшая в ходе мировой войны держава Романовых, он стремился обрядиться в национальные одежды. Когда их государственный покров оказался румынским, это вызвало острое неприятие тех, кто не был готов рядиться в них без сопротивления. Неслучайно поставленный во

главе Измаильского уезда префект Ламбрино признавался своему начальству: «Я убедился, что болгарское население является самым враждебным нам, румынам...» (Шорников 2011: 138).

ЛИТЕРАТУРА

Бессарабия 1996 – *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996.

Бессарабский протокол 1920 – Бессарабский протокол (справочная статья). URL: <http://doc20vek.ru/node/1379> (дата обращения: 25.06.2018).

БТБ 1970 – Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с Советской Родиной (1918–1940 гг.) / Сост. Н.В. Березняков, И.М. Бобейко, Я.М. Копанский и др. Кишинев, 1970.

БТМ 1967 – Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917–1920 гг.: сборник документов и материалов / Сост. Березняков. Кишинев, 1967.

Винсент 2012 – *Винсент Б.* Образ румынской администрации и настроения населения Бессарабии, отраженное во французских дипломатических и разведывательных отчетах 1918–1920 гг. // Русин. 2012. № 2 (28). С. 49–54.

Грек, Червенков 1993 – *Грек И., Червенков Н.* Българите от Украйна и Молдова: минало и настояще. София, 1993.

Думиника 2016 – *Думиника И.* Неизвестни пъти бележки на един български офицер в Бесарабия през 1918 г. // Молдовско-български връзки: история и култура. Кишинев, 2016. С. 240–266.

Думиника, Червенков 2014 – *Думиника И.И., Червенков Н.Н.* Первая мировая война в судьбе бессарабских болгар // Русин. 2012. № 3 (37). С. 142–151.

ИРМ 1997 – История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1997.

Зеленчук 1973 – *Зеленчук В.С.* Население Молдавии: демографические процессы и этнический состав. Кишинев, 1973.

Калчев 2014 – *Калчев К.* Началото на присъединяването на Бесарабия към Румъния (1918 г.) през погледа на един български дипломат // Бесарабските българи: история, култура и език. Кишинев, 2014. С. 212–221.

КПИА – Коммунальное предприятие «Измальский архив». Ф. 217. Оп. 1 Д. 1.

Лебеденко, Тичина 2002 – *Лебеденко О.М., Тичина А.К.* Українське Подунав'я: минуле та сучасне. Одеса, 2002.

Левит 2000 – *Левит И.Э.* Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). Кишинев, 2000.

Лунгу 1979 – *Лунгу В.* Политика террора и грабежа в Бессарабии 1918–1920 гг. Кишинев, 1979.

Назария 2014 – Назария С.М. Бессарабский вопрос в новейшей румынистской историографии // Вестник Дагестанского государственного университета. 2014. Вып. 4. С. 106–113.

Нягулов 1998 – Нягулов Б. Забравени водачи // Родолюбец. Бр. III. София, 1998. С. 189–194.

Пенчиков 1992 – Пенчиков К. Бессарабският въпрос в политиката на централните сили (1916–1918 г.) // Българите в Северното Причерноморие. Т. I: Изследвания и материали. Велико Търново, 1992. С. 131–140.

Рид – Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=68961&p=51> (дата обращения: 21.07.2018).

Руссев 2016 – Руссев Н.Д. Первая мировая война и сельские жители Буджака (из микроистории бывшей болгарской колонии) // Русин. 2016. № 3 (45). С. 217–231.

Скворцова 2002 – Скворцова А.Ю. Русские Бессарабии: опыт жизни в диаспоре (1918–1940 гг.). Кишинэу, 2002.

Тодоров 1992 – Тодоров П. Основаване и начална дейност на Софийското дружество «Бессарабски българи» (1918–1919 г.) // Българите в Северното Причерноморие. Т. I: Изследвания и материали. Велико Търново, 1992. С. 141–159.

Шорников 2011 – Шорников П.М. Бессарабский фронт (1918–1940). Тирасполь, 2001.

REFERENCES

Vinogradov, V.N., Yereshchenko, M.D., Semenova, L.Ye. & Pokivaylova, T.A. (1996) *Bessarabiya na perekrestke yevropeyskoy diplomatii. Dokumenty i materialy* [Bessarabia at the crossroads of European diplomacy. Documents and materials]. Moscow: Indrik.

Anon (1920) *Bessarabskiy protokol (spravochnaya stat'ya)* [Bessarabian Protocol (the reference article)]. [Online] Available from: <http://doc20vek.ru/node/1379> (Accessed: 25th June 2018).

Bereznyakov, N.V., Bobeyko, I.M., Kopanskiy, Ya.M. et al. (1970) *Bor'ba trudyashchikhsya Bessarabii za svoye osvobodzheniye i vossoyedineniye s Sovetskoy Rodinoy (1918–1940 gg.)* [The struggle of the Bessarabian workers for their liberation and reunification with the Soviet homeland (1918–1940)]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Bereznyakov, N.V. (1967) *Bor'ba trudyashchikhsya Moldavii protiv interventov i vnutrenney kontrrevolyutsii v 1917–1920 gg.* [The struggle of Moldavian workers against interventionists and internal counterrevolution in 1917–1920]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Vincent, B. (2012) *Obraz rumynskoy administratsii i nastroyeniya naseleniya Bessarabii, otrazhennoye vo frantsuzskikh diplomaticheskikh i razvedyvatel'nykh*

otchetakh 1918–1920 gg. [The image of the Romanian administration and the mood of the population of Bessarabia, as reflected in French diplomatic and intelligence reports of 1918–1920]. *Rusin*. 2(28). pp. 49–54.

Grek, I. & Chervenkov, N. (1993) *Blgarite ot Ukrayna i Moldova: minalo i nastoyashche* [Bulgarians from Ukraine and Moldova: Past and Present]. Sofia: Khristo Botev.

Duminika, I. (2016) Neizvestni ptni belezhki na yedin blgarski ofitser v Besarabiya prez 1918 g. [Unknown travel notes of a Bulgarian officer in Besarabia in 1918]. In: Chervenkov, N. & Duminika, I. (eds) *Moldovsko-blgarski vrzki: istoriya i kultura* [Moldavian-Bulgarian relations: history and culture]. Chişinău: S.Ş.B. pp. 240–266.

Duminika, I.I. & Chervenkov, N.N. (2012) Pervaya mirovaya voyna v sud'be bessarabskikh bolgar [WWI in the fate of the Bessarabian Bulgarians]. *Rusin*. 3(37). pp. 142–151.

Andrushchak, V.Ye., Boyko, P.A. et al. (1997) *Istoriya Respubliki Moldova. S drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of the Republic of Moldova. From ancient times to the present day]. Chişinău: Elan-Poligraf.

Zelenchuk, V.S. (1973) *Naseleniye Moldavii: demograficheskiye protsessy i etnicheskii sostav* [The population of Moldova: demographic processes and ethnic composition]. Chişinău: [s.n.].

Kalchev, K. (2014) Nachaloto na prisyedinyavaneto na Besarabiya km Rumniya (1918 g.) prez pogleda na yedin blgarski diplomat [The beginning of the accession of Bessarabia to Romania (1918) through the eyes of a Bulgarian diplomat]. In: Chervenkov, N.N. (ed.) *Besarabskite blgari: istoriya, kultura i yezik* [The Bessarabian Bulgarians: History, Culture and Language]. Chişinău: S.Ş.B. pp. 212–221.

The Izmalsky Archive. Fund 217. List 1. File 1.

Lebedenko, O.M. & Tichina, A.K. (2002) *Ukrains'ke Podunav'ya: minule ta suchasne* [Ukrainian Danube: past and present]. Odessa: Astroprint.

Levit, I.E. (2000) *Moldavskaya respublika (noyabr' 1917 – noyabr' 1918)* [Moldavian Republic (November 1917 – November 1918)]. Chişinău: Tsentral'naya Tipografiya.

Lungu, V. (1979) *Politika terrora i grabezha v Bessarabii 1918–1920 gg.* [Politics of Terror and Robbery in Bessarabia 1918–1920]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Nazariya, S.M. (2014) Bessarabskiy vopros v noveyshey rumynistskoy istoriografii [The Bessarabian question in the newest Romanian historiography]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 106–113.

Nyagulov, B. (1998) Zabraveni vodachi [Forgotten Guides]. *Rodolyubets*. 3. pp. 189–194.

Penchikov, K. (1992) Besarabskiyat v"pros v politikata na tsentralnite sili (1916–1918 g.) [The Bessarabian question in the politics of the central powers

(1916–1918)]. In: Penchikov, K. et al. *B"lgarite v Severnoto Prichernomoriye* [The Bulgarians in the Northern Black Sea]. Vol. 1. Veliko Trnovo: [s.n.]. pp. 131–140.

Reed, J. (n.d.) *Desyat' dney, kotoryye potryasli mir* [Ten Days That Shook the World]. [Online] Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=68961&p=51> (Accessed: 21st July 2018).

Russev, N.D. (2016) WWI and the villagers of Budjak (the experience of micro-history). *Rusin*. 3(45). pp. 217–231 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/15

Skvortsova, A.Yu. (2002) *Russkiye Bessarabii: opyt zhizni v diaspole (1918–1940 gg.)* [Russian Bessarabia: the experience of living in the diaspora]. Chişinău: Pontos.

Todorov, P. (1992) Osnovavane i nachalna deynost na Sofiyskoto druzhestvo "Besarabski b"lgari" (1918–1919 g.) [The foundation and initial activities of the Sofia Society "Bessarabian Bulgarians" (1918–1919)]. In: Penchikov, K. et al. *B"lgarite v Severnoto Prichernomoriye* [The Bulgarians in the Northern Black Sea]. Vol. 1. Veliko Trnovo: [s.n.]. pp. 141–159.

Shornikov, P.M. (2001) *Bessarabskiy front (1918–1940)* [The Bessarabian Front (1918–1940)]. Tiraspol: Poligrafist.

Руссев Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры филологии, истории и общественных наук Тараклийского государственного университета им. Г. Цамблака (Молдова).

Nikolai D. Russev – Grigorii Tsamblak State University of Taraclia (Moldova).

E-mail: nrussev@mail.ru